

© 1999 Г.

**В.Ф. ЗИМА**

**СОЦИОЛОГИЯ БЕСПРАВИЯ. РЕАКЦИЯ  
СТАЛИНСКОЙ ЮСТИЦИИ НА ГОЛОД  
В СССР 1946-1947 гг.**

---

*ЗИМА Вениамин Федорович - доктор исторических наук (Институт Российской истории РАН).*

---

В последнее время историки все чаще обращаются к различным аспектам голода в СССР после Великой Отечественной войны. Ниже рассматривается лишь одна - репрессивно-юридическая составляющая реакции сталинской системы на голод 1946-1947 г.

Голод способствовал росту преступности в СССР. Не имевшие средств к существованию люди шли на воровство, грабежи, убийства. Сохранившаяся со времени войны пайковокарточная зависимость от государства формировала страх перед голодом в сознании людей, а необеспеченность питанием миллионов сельчан, в октябре 1946 г. снятых с нормированного снабжения, усугубляла криминогенную обстановку.

По неполным данным осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 543 369 человек, из них 36 670 человек (74,3%), приговорены к лишению свободы. По Закону от 7 августа 1932 г. (прозванному в народе "законом о пяти колосках") осудили 1 146 человек, из них 35 человек - к расстрелу. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Одесской, Харьковской областях<sup>1</sup>.

Сокращение поступлений хлеба на внутренний рынок, рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна, муки, печеного хлеба. Возросло число преступлений против государственного и личного имущества. Колхозники, пережившие голод 1932-1933 гг., понимали, чего им ждать после заготовок 1946 г. Чтобы дожить до нового урожая, многие, не получив ни грамма зерна на трудодни, вынуждены были красть его. По неполным данным в ноябре 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищение зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области - 517, Харьковской - 410, Днепро-

петровской - 365, Курской - 363, Херсонской - 318, Московской - 261, Воронежской - 197, Запорожской - 185, Великолукской - 147, Могилевской - 10, Кировоградской - 196 и др. Всего в названных областях было установлено хищение 830 т зерна.

В Винницкой, Московской, Полтавской и других областях было совершено несколько крупных ограблений колхозных зерноскладов. В колхозе им. Шевченко Машевского района Полтавской области в ночь на 5 октября 1946 г. четверо преступников, вооруженных автоматами, подъехали на грузовой автомашине к зерноскладу и приказали охране лечь лицом к земле. Они вскрыли склад, насыпали в машину 1,8 т пшеницы и скрылись, предварительно перерезав телефонные провода, соединяющие колхоз с райцентром. Преступники не были обнаружены. Выезд на место происшествия прокурора и работников областного управления милиции не дал результатов<sup>2</sup>.

### **Репрессивная "юстиция" набирает обороты**

Законов военного времени было недостаточно. Опять заработала сталинская формулировка времен голодомора 1933 г.: "Борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии"<sup>3</sup>. Во второй половине 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: 27 июня - "О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи", 25 октября - "Об обеспечении сохранности государственного хлеба". В них говорилось о многочисленных случаях хищения хлеба. Правоохранительным органам вменялась обязанность обеспечить неприкосновенность государственного хлеба, что означало применение крайних мер<sup>4</sup>. Во исполнение данного решения партии и правительства Министерством юстиции СССР были даны указания судам о рассмотрении дел такого рода не позднее 10-дневного срока с применением к виновным по Закону от 7 августа 1932 г. в качестве меры судебной репрессии высшей меры наказания - расстрела, с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже Шлет<sup>5</sup>.

Правительство, ограничивая помощь голодавшим, наращивало репрессии. Вал указов и постановлений по мере усиления голода летом 1947 г. достиг апогея. Чтобы сбить нараставшую волну голодной преступности, не раскрывая истинных причин ее роста, правительство усилило меры наказания, многократно повысив сроки лишения свободы за мелкие кражи. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1947 г. по предложению секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова была создана комиссия по разработке предложений о повышении мер уголовного наказания за кражу государственного, общественного и частного имущества<sup>6</sup>. Итогом работы комиссии были указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. "Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества" и "Об усилении охраны личной собственности граждан".

В этих указах, обнародованных "Правдой" 5 июня, основное внимание уделялось охране государственной и общественной собственности. Пункт третий Указа об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества был посвящен колхозам. В нем говорилось, что кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации; за повторное или групповое (шайкой) или в крупных размерах хищение следовало применять наказание от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества. Указ об охране личной собственности граждан за разбой, т.е. нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия, предлагал от 10-ти до 15-ти лет с конфискацией имущества.

Публикация в "Правде" скрывает настоящую меру тяжести наказания. В действительности минимальный срок лишения свободы за кражу, присвоение или растрату госимущества составлял от 7 до 10 лет, а повторное или совершенное организованной группой подобное

преступление - до 25 лет исправительно-трудовых работ. По секретному распоряжению Совета Министров СССР действие Указа от 4 июня 1947 г. было распространено на мелкие кражи на производстве во изменение Указа от 10 августа 1940 г. "Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство". По этому распоряжению рабочие и служащие приговаривались за мелкие кражи не к 1 году лишения свободы, как было раньше, а к 7-10 годам.

В письме секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову Генеральный прокурор СССР К.П. Горшенин просил разрешить информировать население об изменении в судебной практике путем публикации в печати сообщений о судебных процессах, чтобы предупредить людей о том, что их ждет за мелкие хищения<sup>7</sup>. На пятый день после указа в той же газете была опубликована подборка судебных приговоров. Пять приведенных случаев из 10-ти приходилось на кражу продуктов питания. В сообщении не было и намека на 25-летний срок наказания, из него едва ли можно было понять, что указ повысил уголовную ответственность за мелкие кражи в 7-10 раз. Больше никаких сообщений не последовало. Правительство не собиралось посвящать людей в "подробности" законодательства. Секретность позволяла манипулировать законом и держать народ в страхе перед "правосудием".

Секретное постановление Совмина вносило путаницу в исполнение указов от 4 июня 1947 г. Чтобы снять вопросы, возникавшие при рассмотрении дел о хищениях, Пленум Верховного Суда СССР по предложению Министра юстиции СССР от 22 августа того же года дал указание судам о нецелесообразности применения Закона от 7 августа 1932 г. и указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. "Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство". Новое указание привело к тому, что судебные органы в большинстве случаев за хищения государственного имущества, независимо от характера, размера краденого и личности обвиняемого, назначали крайнюю меру наказания - 10 лет ИТЛ.

В тяжелой экономической обстановке решительные действия были необходимы, беда была в том, что усиление правовой ответственности граждан за мелкие хищения зерна и хлеба не подкреплялось помощью голодающим. В силу этого преследование расхитителей вылилось на практике в репрессии против производителей хлеба.

Указы и постановления инициировали небывалую кампанию по борьбе с хищениями. В кратчайший срок суды провели сотни и тысячи показательных процессов. Через полгода после издания указов тюрьмы и лагеря были переполнены, - сигнализировали в правительство МВД, Верховный Суд, Прокуратура СССР, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник 5 августа 1948 г. сообщил Сталину о многочисленных заявлениях от осужденных и их родственников, в которых указывалось на несоответствие тяжести наказания совершенным преступлениям, когда, например, за кражу порожнего мешка давали 7 лет исправительно-трудовых работ. Шверник предлагал, чтобы органы суда и прокуратуры пересмотрели дела осужденных по указам от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи и переквалифицировали эти преступления по указу от 10 августа 1940 г., что могло снизить наказания в 3-4 раза<sup>8</sup>. Реализация предложений способствовала нормализации деятельности судов и прокуратур и угасанию репрессий в отношении женщин, детей, стариков и инвалидов в последующие годы.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности исполнения уголовного наказания в 1946-1947 гг. Июньские указы 1947 г. напомнили деревне, что весь произведенный колхозами и совхозами хлеб являлся государственным достоянием, и безжалостно карали за малейшее проявление прав на него со стороны производителей. Закон о пяти колосках заставлял ловчить, изворачиваться, обманывать, чтобы хоть что-то оставить для людей и хозяйства. Многие председатели колхозов, директора совхозов, районные и областные руководители за утайку зерна и выдачу его на трудодни привлекались к суду. В Костромской области председатели колхозов Толоконин и Барышев в августе-октябре 1946 г. тайно вывозили зерно в Кострому для продажи на колхозном рынке. Областной суд приговорил их к расстрелу, как за хищение хлеба, поскольку продажа зерна на рынке была запрещена.

Разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством по обязательным поставкам, после чего оставались пустые амбары. Председатель колхоза им. Кирова Лебяжского района Кировской области Печенкин в августе 1946 г. ночью "незаконно" выдал голодным колхозникам 8 т хлеба. Во время раздачи были выставлены дозоры на случай появления областного или районного начальства. Поскольку план хлебозаготовок был выполнен колхозом только на 29%, председателя колхоза и кладовщицу Быкову осудили на 10 лет лишения свободы. Аналогичные случаи имели место в колхозах "Прожектор" и "Красный пахарь" той же области, в колхозах Крымской области, Марийской АССР и др. Отчеты о показательных судах освещались местной печатью.

Известны некоторые приемы этой опасной игры с государством. В колхозе им. Чапаева Варгашинского района Курганской области по указанию председателя колхоза Нестерова 379 кг колосьев было разделено между колхозниками. Нестерова привлекли к уголовной ответственности за то, что сделал это задолго до выполнения плана хлебозаготовок. **Председатель колхоза "Пятилетка"** Ронгинского района Марийской АССР Воронцов при обмолоте, якобы в целях последующего хищения, оставлял в соломе зерно, а две тысячи недомолоченных снопов раздал колхозникам по трудодням. Верховный суд Марийской АССР осудил Воронцова к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества<sup>9</sup>.

Материалы на привлечение к уголовной ответственности председателей колхозов поступали к районным прокурорам от уполномоченных по хлебозаготовкам, от райкомов ВКП(б), райисполкомов, от агитаторов. Снимая с себя ответственность, они указывали на "главного виновника" срыва хлебозаготовок - председателя колхоза.

После принятия 14 июня 1947 г. постановления ЦК ВКП(б) "О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов" количество преданных суду председателей постепенно сокращалось, уменьшались сроки наказания. Постановление спасло некоторых председателей от указов 4 июня 1947 г. Приведем сведения о числе председателей колхозов, получивших срок в основном за выдачу хлеба на трудодни колхозникам и за невыполнение плана хлебозаготовок. В первом полугодии 1946 г. в СССР было привлечено к суду 4490 председателей колхозов, а во втором полугодии - 8058; в первом полугодии 1947 г. - 4706, во втором полугодии - 2269; в первом полугодии 1948 г. - 1760. Как видим, действие постановления от 14 июня 1947 г. было заметным: во втором полугодии того же года осудили вдвое меньше, чем в первом. Самая многочисленная "посадка" председателей колхозов производилась во втором полугодии 1946 г., во время проведения хлебозаготовок, когда в Российской Федерации привлекли к уголовной ответственности более 5500 председателей, в Украинской ССР - 1148, Белорусской ССР - 345, Казахской ССР - 317<sup>10</sup>. Всего в 1946-1948 гг. было отдано под суд 21285 председателей колхозов, что равно их числу в Белоруссии, Казахстане и Грузии вместе взятых<sup>11</sup>. Кроме председателей оказались за решеткой 14 569 человек сельсоветовского и колхозного актива. Среди осужденных попадались мошенники и жулики, но они составляли явное меньшинство.

Все это пагубно сказалось на проведении весеннего сева 1947 г., во многих местах затянувшегося до лета. ЦК партии предпринял попытку вернуть в колхозы часть отбывавших срок председателей. В соответствии с этим решением Прокуратура СССР совместно с руководящими работниками обкомов ВКП(б) в мае-июле 1947 г. провела проверку обоснованности приговоров председателей колхозов в 1946 г. и первом квартале 1947 г. Верховный Суд СССР запросил в Москву для изучения 15 000 дел. Юристы пришли к выводу, что значительное число председателей колхозов были осуждены без достаточных оснований. На многих были вынесены протесты на прекращение дела<sup>12</sup>. Практика необоснованного привлечения к уголовной ответственности председателей колхозов была распространена в Великолукской, Смоленской, Чкаловской, Калининской, Горьковской, Могилевской, Черниговской областях.

За 1946 г. и первый квартал 1947 г. в органы прокуратуры Великолукской области были переданы материалы на предание суду 837 председателей колхозов, т.е. 24,4% к их общему

числу. При проверке 100 судебных дел 53 оказались сфальсифицированы. По обвинительным приговорам в отношении 433 председателей Смоленской области установлено, что из них 183 (42,3%) были осуждены за корыстные преступления (хищения, растраты, подлоги), а остальные 250 человек (57,7%) - за невыполнение плана хлебозаготовок 1946 г. Из общего количества осужденных председателей колхозов было 256 человек (59,1%) участников Великой Отечественной войны (включая инвалидов), после демобилизации не успевших проработать и года в должности. В результате проверки комиссия приняла решение опротестовать приговоры в отношении 169 человек (39%) за отсутствием состава преступления и в связи с необоснованностью обвинения<sup>13</sup>.

Удары сталинской юстиции обрушились не только на колхозных руководителей. Органы МВД часто отыгрывались на мелких кражах, совершаемых женщинами и детьми. Летом, когда начал созревать урожай колосовых культур, на колхозных нивах разворачивались драматические события. По приказу Генерального прокурора СССР от 21 июня 1947 г. № 191 "О надзоре за точным соблюдением законов об урожае и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1947 г." следователи выезжали в колхозы, где на месте контролировали соблюдение законности. Правоохранительные органы делали все, чтобы не допустить голодных людей к хлебной ниве. Так, Базковским отделом МВД Ростовской-на-Дону области 8 июля 1947 г. были арестованы колхозницы Крамскова и Шпырева, имевшие каждая по 3-е детей от 8 месяцев до 9 лет. Они вдвоем нарвали 2,7 кг колосьев, за что получили по 8 лет ИТЛ<sup>14</sup>.

Некоторые осужденные не соглашались с решением судов. В кассационной инстанции Смоленской области с августа по октябрь было рассмотрено 82 дела о хищении во время уборки и заготовки сельхозпродуктов, из них оставлено в силе 64 приговора (65,3%), отменено - 30 (30,6%), изменено - 4 (4,1%). Из 30 отмененных приговоров 8 (27%) по протестам районных прокуроров были восстановлены. В исполнительском рвении некоторые районные прокуроры считали оправдания недопустимыми, возмущались мягкостью наказания и необоснованностью возвращения дел к рассмотрению. Областной прокуратуре приходилось сдерживать не в меру горячие головы. Прокурор области отклонил протест прокурора Кардымовского района на мягкость меры наказания в отношении колхозницы Сивенковой, осужденной за кражу 5-ти снопов ржи к 5 годам лишения свободы условно. Облпрокурор признал, что мера наказания, не связанная с лишением свободы, была избрана правильно, т.к. муж осужденной погиб на фронте и она имела на иждивении 3-х детей от 6 до 9 лет и 80-летнюю мать.

Смоленская судебная коллегия отменила несколько приговоров за процессуальные нарушения. Приговор народного суда Демидовского района по делу Иванова, осужденного по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение зерна, 18 ноября того же года был отменен. Дело слушалось без адвоката, а подсудимому не было предоставлено слово для защиты<sup>15</sup>.

### **Реакция населения**

В городах продавцы хлебных магазинов и рабочие хлебозаводов не голодали. Воровство совершалось в основном в целях спекуляции, и в таких случаях деятельность правоохранительных органов была правомерна. Кражи совершались при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, продавцами магазинов. Рабочие 10-го хлебозавода Выборгского района г. Ленинграда 13 ноября 1946 г. похитили 128 буханок хлеба при его развозке в магазины, продав их по 25 руб. за штуку. В тот же день они украли еще 12 буханок, с которыми и были задержаны. Арестованным предъявили обвинение по Закону от 7 августа 1932 г.

Усиление репрессий против колхозников вызывало возмущение. Дело не ограничивалось жалобами в инстанции. Известны случаи убийства председателей колхозов. 22 июня 1947 г. в колхозе им. Шевченко села Березовка Липовецкого района Винницкой области до 2-х часов ночи производилась молотьба. Окончив работу, колхозники разошлись. На току остались председатель колхоза Каминский, уполномоченный райкома КП(б) Коренблит, весовщик тока и сторож с винтовкой. Все, кроме сторожа, легли спать. В 3 часа ночи на ток

пришли пятеро вооруженных людей, один из которых обезоружил сторожа, накинул ему на голову мешок, приказал не двигаться. Затем пришельцы связали спящих уполномоченного и весовщика, а председателя колхоза увели с собой. Утром труп убитого председателя был обнаружен в речке со связанными руками и ногами, с камнем на шее. Поскольку преступники не тронули находившиеся на току мешки с зерном, то решили, что это была месть. По делу наугад арестовали 3-х человек, родственников ранее осужденных за хищение зерна. Их судьба неизвестна<sup>16</sup>.

Из особой папки протоколов бюро Пензенского обкома ВКП(б) узнаем об убийствах председателей колхозов во время хлебозаготовок 1947 г. в Терновском, Головищенском и Большевьяском районах. Бюро обкома партии обязало управления МВД и МГБ укреплять агентурную сеть в деревне, улучшать работу с осведомителями для того, чтобы предотвращать подобные преступления и "враждебные проявления"<sup>17</sup>.

Указ об охране личной собственности от 4 июня 1947 г. был запоздалой реакцией на рост преступлений против имущества граждан, так как во второй половине 1946 г. и в первой половине 1947 г. **такого рода уголовные преступления** составили 70%<sup>18</sup>. Среди преступников были рабочие, колхозники, служащие, военнослужащие, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ, прежде не совершавшие даже мелких краж; в числе осужденных были фронтовики. Голод совпал с демобилизацией миллионов военнослужащих. На долю победителей выпало немало материально-бытовых проблем, поскольку трудоустройство демобилизованных шло неудовлетворительно. Десятки, сотни тысяч бывших солдат, старшин и офицеров были без работы. Чтобы трудоустроиться, фронтовики скрывали ранения и инвалидность, так как на работу не принимали инвалидов II группы. Некоторые умерли от голода и болезней, другие нищенствовали, третьи становились на путь преступлений.

Нападения совершались на дома и хозяйственные постройки жителей городов, поселков, деревень и хуторов. В первую очередь забирались продукты питания. В селе Никольском Знаменского района Тамбовской области в своем доме была убита выстрелом из пистолета колхозница Зяблова, пытавшаяся оказать сопротивление. Все произошло на глазах у ее детей, которых преступники не тронули. Бандиты унесли с собой продукты питания. Обнаруженные следы выводили на дорогу в г. Котовск.

Голодные горожане шли грабить деревни, а сельчане направлялись в города. В полночь 10 февраля 1947 г. в г. Воронеже в погреб, принадлежавший Ручкину, сломав два замка, проник неизвестный, пытавшийся забрать 2 мешка с картофелем. Хозяин погреба застал преступника с поличным. Сопrotивляясь, вор произвел выстрел из винтовочного обреза и ранил Ручкина. Задержанным оказался уроженец села Гвоздевка Семилуцкого района, живший в городе без прописки и без работы.

Все напоминало войну за кусок хлеба голодных против голодных. Спасая имущество, люди вынужденно объединялись. Последствия "самообороны" были непредсказуемы. Ночью 10 марта 1947 г. двое жителей г. Рязани направились в ближайшую деревню, где украли овцу со двора колхозника. Группой местной молодежи они были задержаны, но, оказывая сопротивление, ранили одного из колхозников финкой. До приезда милиции рязанцы были оставлены в сельсовете под охраной. Утром большая группа сельчан пришла в сельсовет, оттеснила охрану и учинила самосуд над задержанными, в результате которого они скончались<sup>19</sup>. Есть и другие показатели того, что голод обострил отношения между городом и деревней. Крестьянство особенно остро ощущало незаслуженное, потребительское отношение к селу со стороны власти, сконцентрированной в городах.

### Судьба детей и подростков

Среди осужденных в 1946-1947 гг. женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с ними по этапу, составляли около 50%. В исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах на 1 июля 1947 г. с матерями находилось 18 790 детей в возрасте до 4 лет, а также 6 820 беременных женщин. Число малышей, начинавших жизнь за колючей проволокой, в 3 раза превышало вместимость лагерных домов младенцев: часть из них содержались в малоприспособленных помещениях и в общих бараках с другими заключенными<sup>20</sup>.

Дети осужденных вдов старше 7 лет, если их не брали на воспитание родственники, попадали в государственные детдома и дома ребенка. Только в Ивановской области в 1946г. из всех помещенных в дома ребенка 17,1% составляли дети осужденных матерей в 1947г. -30%<sup>21</sup>.

Большинство детей грудного возраста были вместе с матерями в местах заключения, что раздражало администрацию ГУЛАГа. МВД по-своему стремилось избавиться от детской проблемы. 15 июля 1947 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглое сообщил заместителю председателя Совета Министров СССР В.М. Молотову о том, что значительная часть прибывших, а также рождавшихся в тюрьмах, лагерях и колониях детей являлись физически слабыми, нуждались в особом уходе и соответствующих гигиенических условиях. Он предложил освободить 15 тыс. женщин, беременных и с детьми до 4-х лет от отбывания наказания, кроме осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства и хищения социалистической собственности. К письму прилагался проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу. Указ был секретно принят 16 августа 1947 г. и предусматривал освобождение из заключения упомянутых выше категорий осужденных. Он не распространялся на осужденных за хищение социалистической собственности (стрижка колосков и др.), за что отбывали срок большинство колхозниц, но был удобен для профессиональных воровок, спекулянтток, мошенниц<sup>22</sup>. МВД освобождалось от нетрудоспособных женщин с детьми, а лагеря, колонии и тюрьмы наполнились получившими срок за кражи государственного и личного имущества по указам от 4 июня 1947 г. Казалось, порочный круг не разорвать.

К вызволению женщин и детей была подключена общественность. В мае 1948 г. на имя И.В. Сталина, А.А. Жданова и других руководителей поступило письмо от журналистки А. Абрамовой, в котором сообщалось о тяжелом положении матерей и беременных женщин, осужденных по указам от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи. Выводы Абрамовой обосновывались тем, что на местах исполнение указов извращалось. Привлеченными к суду и осужденными к 7-10 годам лишения свободы оказывались люди, попавшие в тяжелое материальное положение и своевременно не получавшие помощи от хозяйственных и партийных, профсоюзных организаций. Суды и прокуратуры, писала журналистка, при рассмотрении дел не вникали в существо причин, приведших к преступлению, не ставили вопросов перед соответствующими организациями о принятии мер к их устранению. Пользуясь кажущейся простотой таких дел, будто бы не требовавших расследования, суды с легкостью выносили приговор с крайней мерой наказания. При этом игнорировались статьи уголовного кодекса, которые позволяли смягчать меру наказания.

А. Абрамова делала акцент на экономии средств, сокращение расходов на содержание осужденных женщин и их детей. По ее подсчетам, на детей в домах младенцев при ИТЛ в год затрачивалось свыше 65 млн. руб., а годовое содержание беременной женщины обходилось в 5 тыс. рублей. Она просила создать правительственную комиссию по пересмотру дел и дать разъяснение к указам. В юридическом отделе Верховного Совета СССР у Абрамовой нашлись оппоненты, выступавшие против смягчения указов<sup>23</sup>.

Попытки остановить начавшийся процесс реабилитации не удалось. Летом 1948 г. в ЦК ВКП(б) Жданову от председателя Верховного Суда СССР Голякова поступил проект указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имевших при себе детей в местах заключения. Для проведения в жизнь планируемого мероприятия предусматривалось создание в исправительно-трудовых учреждениях комиссии в составе председателя лагерного суда, прокурора места заключения и представителя администрации. Вместе с проектом указа был предложен проект постановления пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу. В нем говорилось, что суды, определяя наказание по делам о преступлениях, караемых указами от 4 июня 1947 г., назначают в полном объеме наказание в отношении подсудимых беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей до 4-х лет, совершавших единичное мелкое хищение в результате тяжелых материальных обстоятельств. Пленум указал судам на правомерность применения условного или иного наказания, не связанного с лишением свободы.

Принятие указа затянулось почти на год. Тем временем ГУЛАГ превращался в огромную "камеру матери и ребенка". На исходе 1948 г. в местах заключения находилось 503 тыс. женщин, в том числе 9300 беременных и 23790 матерей, отбывавших срок с малолетними детьми. 1 февраля 1949 г. министр внутренних дел, министр юстиции, генеральный прокурор и председатель Верховного Суда СССР обратились с письмом к Сталину, в котором сообщали о переполненности ГУЛАГа беременными женщинами и женщинами с малолетними детьми, обосновали необходимость единовременного освобождения от отбывания наказания из исправительно-трудовых лагерей, колоний и тюрем МВД 70 тыс. беременных женщин и женщин с детьми до 7 лет. Явный прогресс по сравнению с 1947 г. - число предполагавшихся к досрочному освобождению женщин увеличилось в 4,7 раза и возраст детей - на 3 года. В заключение письма главы советской пенитенциарной системы просили одобрить проект указа, который совпадал с проектом, полгода назад предложенным Жданову<sup>24</sup>.

Обращение к вождю ускорило дело, и 22 апреля 1949 г. Указ "Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей" был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. Заработала исполнительская машина, и 26 апреля был готов совместный приказ министра внутренних дел и генерального прокурора СССР о порядке освобождения. Женщины, осужденные за контрреволюционные преступления (все пункты статьи 58 УК РСФСР), за бандитизм, умышленное убийство, за хищение социалистической собственности, совершенное повторно, организованной группой или в крупных размерах (Закон от 7 августа 1932 г., статьи 2 и 4 Указов от 4 июня 1947 г. и т.д.), не освобождались. Освобожденные женщины, до осуждения являвшиеся выселенками, направлялись под конвоем в места обязательного поселения.

В отношении женщин, имевших детей вне лагеря (колонии) или тюрьмы, через городские и районные отделы и отделения МВД запрашивались справки о наличии у осужденных детей до 7 лет. Освобождение и отправка женщин и детей к местам жительства производились группами в течение нескольких месяцев с тем, чтобы на вокзалах, станциях, пристанях не привлекать к ним внимания. Выделялись специальные работники, наблюдавшие за посадкой и проездом освобожденных и недопускавшие их задержек при пересадках<sup>25</sup>.

В соответствии с указом было освобождено досрочно 55657 женщин с детьми и беременных. Затем освободили еще 28560 женщин, имевших детей вне мест заключения. Указ 1949 г. имел немало ограничений для осужденных по Закону от 7 августа 1932 г. и указам от 4 июня 1947 г., поэтому многие женщины с детьми и беременные продолжали отбывать срок. За рамками указа 1949 г. остались женщины, имевшие детей на год-два старше 7 лет. Из них 13 тысяч заявили о желании освободиться, но получили отказ<sup>26</sup>.

Одной из болевых проблем, вызванных голодом, был рост преступлений, совершаемых бездомными и беспризорными детьми, сиротами. Согласно сообщениям прокуроров, число беспризорных детей возросло во втором полугодии 1946 г. в Ленинграде до 3042 человек, Свердловске - до 1981, Ростове-на-Дону - до 801. Росло число беспризорных детей в Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Калужской, Крымской, Новосибирской областях и в Краснодарском крае.

Когда весной 1947 г. тысячи голодной, оборванной детворы, не вмещавшейся в переполненные детские дома и приемники МВД, хлынули в города, Совет Министров СССР принял 7 апреля постановление № 857 об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Оно обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня 1947 г. 80 специальных ремесленных и 20 сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направляемых из детских приемников-распределителей (ДПР) МВД СССР и из детских домов. МВД должно было организовать до 1 августа детские колонии на 10 тыс. человек. На организацию и содержание детских домов и колоний из резервного фонда Совмина СССР выделялись 299,8 млн. руб.<sup>27</sup> Постановление обязывало столичные и провинциальные власти взять под наблюдение работу по устройству детей, оставшихся без родителей.

Чтобы освободить места в детдомах, детприемниках и колониях, подростков 13-16 лет



направляли в ремесленные училища и школы ФЗО, а чаще просто на любую работу. При большом потоке детей отбор их для трудоустройства и на учебу проводили наспех, с грубыми ошибками. Нередко на работу или на учебу попадали ранее судимые подростки. Некоторые из них вскоре совершали тяжкие преступления. Из детприемника Ростова-на-Дону на трудоустройство в колхоз "Красный путиловец" 9 марта 1947 г. прибыли несовершеннолетние Стурайкин и Иванов. Их определили на квартиру к колхознице Поруковой. 20 марта они убили хозяйку дома, забрали вещи, деньги и скрылись. По чистой случайности вскоре оба были задержаны; выяснилось, что ранее они были судимы за кражу. Арзамасский ДПР (Горьковская область) в течение года направил в колхозы 1200 подростков, из которых большинство сбежали. Причиной явились тяжелый труд, полуголодное существование в колхозах.

Беспорядки, совершая мелкие хищения продуктов питания и вещей, переходили в разряд малолетних правонарушителей, после задержания и суда попадали в трудовые воспитательные колонии (ТВК), затем в исправительно-трудовые лагеря для взрослых. Проверками в колониях были обнаружены дети, не достигшие 12 лет, т.е. с незаконными приговорами. Там же содержались и дети на год-два старше, впервые совершившие мало-значительные преступления. Нарушение закона проявлялось также в том, что в ИТЛ находились беспаспортные, не достигшие 16 лет подростки, осужденные за нарушение правил прописки<sup>28</sup>.

Указы усиливали репрессии против всех малолетних правонарушителей. Надзор со стороны прокуратуры за расследованием этих преступлений был слаб. Качество следствия оставляло желать лучшего. Рассмотрение дел шло по ускоренному методу. При формальном установлении вины суды выносили обвинительные приговоры. Так было в Московской, Ивановской, Архангельской, Горьковской, Саратовской, Ленинградской, Молотовской и др. областях. Порочная судебная практика вызывала многочисленные жалобы родителей и самих подростков в Прокуратуру СССР.

В течение лета 1947 г. прокурор группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР проводил проверку жалоб по применению указов об охране общественной и личной собственности в Молотовской области. В записке он выражал озабоченность необоснованным ростом тяжести наказаний в отношении несовершеннолетних за мелкие кражи, вызванные голодом. Со дня издания июньских указов по 15 августа 1947 г. в области было дано вдвое больше санкций на арест несовершеннолетних. В тюрьме № 1 г. Молотова содержалось под стражей 245 подростков, из них 36 человек, т.е. 14,7% ранее были судимы. 48 малолетних узников были полными сиротами, 71 - полусиротами, у 32-х - отцы погибли на фронте. Из проверенных дел не было ни одного с применением условного осуждения, тогда как о первом полугодии 1947 г. за кражи было приговорено к условным наказаниям 36,6% преданных суду подростков.

Типичен для того времени состав преступления 15-летней ученицы 8 класса женской школы Вахриной. Рассматривая альбом с фотографиями на квартире подруги, она обнаружила в нем две хлебные карточки и украла их. Продав карточки на рынке за 100 руб., она купила 500 г хлеба, мороженое, несколько штук конфет и сразу все съела. Из дела явствовало, что за неделю до кражи у Вахриной умер от чахотки отец, оставив семью из 8 человек, в которой работала только старшая сестра. Вызванная московским прокурором классная руководительница дала хорошую характеристику школьнице, указав, что последняя страдала пороком сердца и фурункулезом на почве истощения. Под влиянием проверяющего и по просьбе местного прокурора суд вынес условное наказание<sup>29</sup>.

Попыткой перекрыть приток подростков в исправительно-трудовые учреждения было постановление пленума Верховного суда СССР от 1 февраля 1948 г. "О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних". В нем разъяснялось, что дети от 12 до 16 лет - не закоренелые преступники, их действия не носят повышенной опасности, не требуют суровых мер наказания. Причиной воровства было якобы детское озорство и самоуправство; причины материального плана, тем более голод, не назывались.

Пленум рекомендовал судам обращаться к постановлению Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. №653 "Об усилении мер борьбы с детской беспорядочностью, безнадзорностью и

хулиганством". В случае совершения подростком в возрасте от 12 до 16 лет хищения незначительного размера, суды могли не ставить вопрос в уголовном порядке, а направлять обвиняемого в трудовую воспитательную колонию, применять условное осуждение с передачей на попечение родителей или опекунов с осуществлением надзора. Применяя условное осуждение, суды не должны были допускать, чтобы у несовершеннолетнего оставалось чувство безнаказанности за преступление. Суды обязывались разъяснить подсудимому значение испытательного срока и предупредить, что в случае нового преступления он понесет наказание и за первое преступление<sup>30</sup>. Так возвращение к методам военного времени стало послаблением послевоенной карательной политики.

### **Спираль последствий**

Государство располагало возможностями накормить детей и остановить рост голодной преступности, поскольку имело значительные запасы продуктов питания (хлеб, масло, сахар и др.) в виде неснижаемых государственных резервов. Но в обязанности государственной машины помощь голодающим не входила. Люди умирали от голода и вызванных им болезней, а запасы оставались неприкосновенными<sup>31</sup>.

Охрана продрезервов доставляла немало хлопот правительству. По сведениям центрального управления военизированной охраны (ВОХР) Министерства заготовок СССР, работники охраны за 3 квартал 1946 г. задержали с похищенным зерном 20 120 человек, из них 15 496 человек или 77% - работники предприятий этого министерства, в том числе 1260 человек - работники охраны. Представители прокуратуры установили, что хищения хлеба распространены на складах и заготовительных пунктах, на железнодорожном транспорте. На складах зерно воровали кладовщики и рабочие, на железной дороге - снятые с карточного снабжения сельские жители - работники железной дороги. В ноябре 1946 г. за расхищение хлебных грузов было привлечено к уголовной ответственности 946 человек, из них 48% - путейцы<sup>32</sup>.

Хищения совершались также на судах речного флота при транспортировке зерна из глубинных пунктов. Только за 15 дней октября 1946 г. на Верхне-Волжском, Камском, Средне-Волжском, Западно-Сибирском, Днепровском и Амурском бассейнах в 14 судах и баржах обнаружено и изъято более 30 т зерна, муки и хлебопродуктов, подготовляемых к хищению. Команда баржи №2018 Верхне-Волжского бассейна во главе со шкипером Лапшиным, пользуясь тем, что вес погруженного зерна по осадке судна определялся неточно, во время транспортировки занималась хищением хлеба. У переправы деревни Токари Горно-Марийского района они продали жителям деревни и обменяли на продукты около 2,5 т пшеницы.

На Днепре в Киевской области была арестована группа из 10 человек, в которую входили шкипер баржи № 633 Старченко, матрос Красюк, бакенщик Грушецкий и колхозники села Стайки: Шестаков, Загородный, Басенко и др. Члены команды во время перевозки грузов на Киевский элеватор в пути следования расхищали перевозимое зерно, передавая его односельчанам, подъезжавшим к барже на лодках. Всего было переправлено в село 9 т зерна<sup>33</sup>. Таким путем возвращался людям изъятый государством хлеб.

Правительство заботилось о вооружении охраны государственного хлеба. Министр заготовок Б.А. Двинский 4 января 1947 г. сообщил заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, что подразделения, охранявшие государственный хлеб, были не полностью обеспечены нарезным оружием и боеприпасами, просил дать распоряжение Министерству вооруженных сил об отпуске трофейного оружия: 6 тыс. винтовок "Маузер" и 360 тыс. патронов к ним, винтовок системы "Росса" с 42 тыс. патронов. В правительстве согласованием вопроса занимался управляющий делами Совмина Я.Е. Чадаев; разрешение было получено.

В соответствии с секретными постановлениями Совмина СССР от 7 апреля и 21 июня 1947г. Министерство заготовок передало Министерству продрезервов дополнительно 232 продовольственные базы и элеваторы. По распоряжению Сталина численность военизи-

рованной охраны Минпродрезервов увеличили с 6515 до 16115 человек, возросло число работников инспекций ВОХР при территориальных управлениях и центральном аппарате. Примерно той же численности охрана находилась в распоряжении Министерства заготовок<sup>34</sup>.

Трофейные винтовки и июньские указы 1947 г. не остановили рост хищений со складов и баз продрезервов. Из задержанных с похищенным зерном в июле-августе того же года 77% составляли работники заготзерно и 6% - охранники. Больше всего хищений наблюдалось среди работников и охраны глубинных пунктов в сельской местности. Зарплата у этих групп работников была очень низкая - 150-180 руб., к тому же с октября 1946 г. их сняли с хлебного снабжения вместе с сельскими жителями.

Летом 1947 г. Министерство государственного контроля СССР, возглавляемое Л.З. Мехлисом, провело ревизии 17 территориальных управлений и 25 баз Министерства продовольственных резервов СССР. Неутешительные результаты обсуждались на Бюро Совета Министров СССР. В итоге 9 сентября 1947 г. было принято совершенно секретное постановление № 3159-1047 "О хищениях, скрытии от учета, порче и самовольном разбазаривании продрезервов". В нем с конкретными примерами освещались недостатки работы Министерства продрезервов. Наряду с хищениями и порчей продовольствия в постановлении не скрывалась обеспокоенность очковтирательством в закладке зерна на хранение. Отчеты показывали намного больше, чем имелось на самом деле. Постановление обязывало привлекать к ответственности и судить виновных по всей строгости принятых указов. Над исполнением постановления работали органы милиции, прокуратуры и суда. До 1948 г. было осуждено более 10 тыс. материально ответственных лиц: заведующих, кладовщиков, учетчиков, а более всего грузчиков и работников охраны заготовительных пунктов, элеваторов и складов<sup>35</sup>.

По итоговым сводкам МВД СССР количество уголовных преступлений и число осужденных в 1946-1947 гг. по сравнению с 1945 г. резко возросли, самым распространенным видом преступлений были мелкие хищения. Сводки за 1940-1950 гг. зафиксировали в 1946-1947 гг. пик хищений государственного и личного имущества. При невысокой, 87-процентной полноте учета и стремлении к приукрашиванию, эти данные отражают динамику преступлений.

Всего за уголовные преступления было осуждено в 1947 г. более 1,3 млн. человек. Из них до отмены смертной казни 26 мая 1947 г., т.е. за полгода, было расстреляно 1620 человек, на 396 человек меньше, чем за 1946 г. Число осужденных на срок свыше 10 лет в 1947 г. по сравнению с 1946 г. увеличилось в 100 раз и составляло 16 260 человек, а в 1948 г. возросло еще в 3,8 раза<sup>36</sup>. Большую долю преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по Закону от 7 августа 1932 г., и 300 тыс. человек - по указам от 4 июня 1947 г.<sup>37</sup>

В целом по СССР хищения имущества повысились в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в 2 раза чаще, чем в предыдущем. Из общего количества краж 32,7% совершили женщины. В 1946-1947 гг. были осуждены за хищения и отбывали срок более 20 тыс. подростков до 16 лет. Среди расхитителей в 1947 гг. были осуждены за хищения и отбывали срок более 20 тыс. подростков до 16 лет. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г. Так называемая уголовная преступность носила ярко выраженную социально-классовую окраску. По всем видам правонарушений доминировали самые низкооплачиваемые рабочие и колхозники<sup>38</sup>.

\* \* \*

Стремясь ознакомить социологическое сообщество с, казалось бы, сугубо историческими событиями и сюжетами, автор исходил из следующего.

В наши дни пережившие голод 1946-1947 гг. люди - часть российского общества. Может быть они и придают - вместе с помнящими войну и начало 30-х годов - способность

современным россиянам переносить тяготы, довольствоваться минимумом. Произвол государства сформировал у затронутых репрессиями переданное другим поколениям отчуждение от государства, от сферы правосознания. Те времена основательно подорвали спонтанные крестьянские представления о справедливости, праведности. Значительные группы населения были ознакомлены с криминальной, тюремно-лагерной средой, формируя предрасположенность к субкультуре подобного рода. Чтобы преодолеть вырвавшиеся в 90-е годы на поверхность явления преступности и коррупции, знание их истоков, обстоятельств формирования представляется нелишним.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 99-102.
- <sup>2</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3407. Л. 59; Д. 3890. Л. 76, 135-136.
- <sup>3</sup> *Сталин ИВ.* Соч. Т. 13. С. 210.
- <sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 229-233.
- <sup>5</sup> История советского права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг. Т. 1. 1917-1936 гг. М, 1959. С. 224-225.
- <sup>6</sup> РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 296. Л. 3.
- <sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3409. Л. 79-80.
- <sup>8</sup> Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 384. Л. 12; Л. 9.
- <sup>9</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3170. Л. 5; Д. 3743. Л. 89.
- <sup>10</sup> РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 43. Л. 28.
- <sup>11</sup> Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 392.
- <sup>12</sup> ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 310. Л. 43.
- <sup>13</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3409. Л. 263; Л. 213-219.
- <sup>14</sup> Там же. Д. 3884. Л. 73.
- <sup>15</sup> Там же. Д. 3744. Л. 71; Л. 72.
- <sup>16</sup> Там же. Д. 3890. Л. 144; Л. 154.
- <sup>17</sup> РЦХИДНИ. Ф. 1.. Оп. 42. Д. 598. Л. 27.
- <sup>18</sup> Там же. Д. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14.
- <sup>19</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 2.. Д. 3600. Л. 150; Л. 29; Л. 150.
- <sup>20</sup> Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 311. Л. 55.
- <sup>21</sup> Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 346. Л. 1.
- <sup>22</sup> Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 20.
- <sup>23</sup> Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 346. Л. 1-10.
- <sup>24</sup> Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 22; Д. 337. Л. 10.
- <sup>25</sup> Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 310. Л. 152-153.
- <sup>26</sup> Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 366. Л. 15.
- <sup>27</sup> Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 296. Л. 16-21.
- <sup>28</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3540. Л. 20; Л. 28.
- <sup>29</sup> Там же. Д. 3533. Л. I; Л. 10.
- <sup>30</sup> Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 384. Л. 8; Л. 4.
- <sup>31</sup> Отечественная история. 1993. № 1. С. 44-47.
- <sup>32</sup> ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3405. Л. 127; Л. 5.
- <sup>33</sup> Там же. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 2831.
- <sup>34</sup> Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2815. Л. 225; Д. 2819. Л. 223-225.
- <sup>35</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3729. Л. 45.
- <sup>36</sup> Там же. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14.
- <sup>37</sup> Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.
- <sup>38</sup> Там же. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20-32.